

Тува вчера, сегодня, завтра

КОМИССАР МИЛИЦИИ

М. С. Байыр-оол

Аннотация: В статье рассказывается о судьбе комиссара милиции, одного из руководителей правоохранительных органов Тувинской народной республики, Тувинской автономной области Монгуша Баян-ооловича Артаса. Автор опирается на записанные воспоминания М. Артаса, на архивные источники, на свои личные воспоминания, чтобы воссоздать и биографию человека, и дать ему характеристику, и обрисовать трагический исторический фон.

Ключевые слова: МВД, Тува, милиция, биография, политика, история, Тока, культ личности, репрессии.

В 1990 г. Монгуш Баян-оолович Артас, работавший свыше двадцати лет в органах внутренних дел Тувы и потому бывший в эпицентре политического насилия в период ТНР и Советской Тувы, ответил на мои вопросы о себе. Он написал свои ответы на двух ученических тетрадях и отдал мне. Газета «Деткимче» (Содействие) в 1990 г. напечатала его воспоминания «Кызыгаар чок чагырганың уржуктары» (Последствия безграничной власти). Тот же материал хранится в рукописном фонде ТИГИ (РФ ТИГИ. Д. 1295. Том V. С. 1–35). Согласно его воспоминаниям, после критики культа личности Сталина на XX съезде КПСС, он стал выступать против несправедливой политики Н. С. Хрущева и его вернейшего исполнителя С. К. Тока. Однако в то время Сталин умер только физически. Наступила только хрущевская «оттепель», а сталинщина была жива, и потому он был ошельмован и сослан туда, где рос С. Тока. Такая практика была не только по всему Советскому Союзу, но во всех странах так называемой «народной демократии», в том числе соседней Внешней Монголии.

Монгуш Артас родился в беднейшей семье кочевника Баян-оола 5 августа 1913 г. в местности Ак-Адыр Манчурека Даа (Дзун-Хемчикского) кожууна. Отца, хакаса по национальности, звали Мамышевым Владимиром Ульяновичем. Он был ямщиком купца Сафьянова. Приехал в Урянхай из Аскиза Хакасии в конце XIX в. и женился на Монгуш Сендинме. У них было 12 детей, многие умерли раннем возрасте. С малых лет познал нужду, унижения и тяжелую долю бедняка-кочевника. «Мы тебе плохие помощники

Байыр-оол Монгуш Сендажиевич - кандидат философских наук, научный сотрудник
Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва.

в жизни. — наказывала мать, — Больше, сынок, надейся на себя, присматривайся к хорошим людям, учись у них». Таково было родительское напутствие, совпавшее с годами Октябрьского переворота в России (1917 г.) и революционными преобразованиями в жизни Тувы.

В те переломные годы молодые люди стремились к грамоте и юноша Артас последовал их примеру. В течение лета 1926 г. он постигал монгольскую грамоту в Чаданском хурээ, а, овладев ею, отправился в Кызыл. Там он вступил в ряды ревсомола и Кызылскую пионерскую школу, где впервые познакомился с русским языком. Вскоре в числе нескольких молодых людей его направили на учебу в рабфак при институте народов Севера.

Затем он работал переводчиком в московском КУТВе, где обучалась большая группа юношей и девушек из Тувы. Жизнь вдали от дома не тяготила парня, он неустанно стремился к знаниям. В течение года он был переводчиком в кавалерийской школе им. 1-ой Конной Армии, а также служил помощником командира взвода. Получив весть о смерти отца, вернулся домой. Мать с тремя детьми жила около Верхнего хурээ. Ему пришлось переехать вместе с семьей в Кызыл и жить сначала в курятнике знакомого Губова, потом они нашли более нормальное жилье.

С 18 августа 1934 г. Артас поступил работать в органы милиции. Был переводчиком, уполномоченным, начальником лагерей МВД, учился в центральной школе НКВД СССР. Начиная с августа 1941 г. до конца 1944 г. работал заместителем министра внутренних дел ТНР, а после советизации Тувы — заместителем начальника управления, начальником управления внутренних дел ТАО. С 19 февраля 1962 г. — министр МВД Тувинской АССР.

В связи с тем, что М. Артас очень долго работал в МВД, возникает вопрос: участвовал ли он в политических репрессиях?

Дать однозначный ответ на этот вопрос трудно.

По долгу службы он не мог быть в стороне. Кого-то допрашивал, заставлял давать нужные показания. Без этого он не мог там продержаться.

Вместе с тем исследователи посчитали, кто из министров и их заместителей периода ТНР вынесли обвинительные заключения и приговоры к высшей мере наказания. Среди них М. Артас. Например, обвинительные заключения выносили: Товарищтай — 64, из них к высшей мере наказания — 23; Полат — 11, из них к высшей мере наказания — 4; Парчын — 6, из них к высшей мере — 5; Ензак — 5. Все это доказывает, что они полностью причастны к политическим репрессиям. К пострадавшим от-

носятся только те, кто пострадал по политическим мотивам.

По данным МВД ТНР на 1 мая 1944 г. из общего числа осужденных, содержащихся в лагерях и тюрьмах 1249 человек, заключенных по делам повстанческой деятельности и прочих контрреволюционеров было 325 чел. (25,9%), по террору — 8 (0,6%), по шпионажу — 4 (0,3%), по бандитизму — 5 (0,4%), по вредительству и диверсиям — 11 (0,9%), которых можно отнести к пострадавшим по политическим причинам. Остальные: воры — 552 (44,2%), хулиганы — 160 (12,8%) и растратчики — 186 (14,9%). Отсюда следует, что для установления точного количества жертв политических репрессий в Туве необходимо провести специальное исследование. Цифра «1214», столь часто называемая в 1990-х годах, мало что означает. Нужно детальное изучение дел.

В сороковых годах XX в. в МВД республики работали всего 300 человек. Людей всегда не хватало. Для сравнения: в отделах просвещения и здравоохранения ТНР работали всего в общей сложности 202 человек. Из 300 сотрудников МВД 14 было членами и кандидатами ТНРП, 92 — членами ревсомола. По стажу работы в основном это люди с четырьмя годами стажа (223 чел.) и более — до 19 лет (58 чел.). Работала молодежь с 17 до 30 лет. Из 300 сотрудников — 243 не имели никакого образования, были безграмотными и малограмотными. Чуть более десятка офицеров в свое время окончили КУТВ — 6 чел., центральную школу НКВД — 2 чел., другие школы в Союзе — 3 чел., учились в Союзе — 3 чел.

Таков был кадровый состав МВД ТНР, который занимался установлением «нового порядка» в кочевой стране. Как говорят, комментарии излишни. Понятно, что они самостоятельно не могли работать, что подтверждается «Справкой по вопросу оперативной и прочей помощи органам УГВПО-ВУОС-МВД со стороны органов ОГПУ_НКВД_НКГБ СССР», где прямо написано, что ССР с самого начала организации органов УГВПО (1925 г.) и по настоящее время оказывает повседневную широкую помощь братским чекистским органам, в том числе тувинским чекистам, во всех основных вопросах оперативного характера. Далее подчеркивается, «из Москвы регулярно прибывают советники и инструкторский состав» (РФ ТИГИ. Д.1291. Том 1. С.246–249).

Органы НКВД–НКГБ СССР бесплатно снабжали МВД ТНР и его сотрудников оборудованием, обмундированием, вооружением и снаряжением. Тувинские чекисты носили такую же форму, как советские, проповедовали такую же идеологию насилия. Вместе с тем они боролись против

воров, хулиганов и растратчиков, наводили социальный порядок в кочевом обществе. Их деятельность регулировали министр Н. Товарищтай и его заместители, в том числе М. Артас.

В 1952 г. по указанию ЦК ВКП(б) на бюро Тувинского обкома партии был рассмотрен сверхстранный вопрос «Об организации военной прокуратуры войск министерства госбезопасности СССР в Тувинской Автономной области». Зачем понадобилось создавать военную прокуратуру в невоенной Туве — понять невозможно, но местная парторганизация как всегда безропотно согласилась. Большую активность проявил начальник управления так называемой госбезопасности Н. Н. Петров, сразу возбуждивший надуманное «Сут-Хольское дело», которое провалилось через год. Появился совершенно незнакомый тувинцам термин «буржуазный национализм». Под подозрение попали все номенклатурные работники, в первую очередь элита чиновничества, кроме С. К. Тока, некоторые наиболее известные писатели.

В списке подозреваемых попал начальник внутренних дел области М.Артас. Чтобы проверить его политическое сознание шеф госбезопасности Н. Петров прислал в качестве его заместителя — агента Александра Куликова, который в течение ряда лет следил за каждым шагом Артаса. Об этом последний узнал совершенно случайно. Дело в том, что министр МВД Союза назначил А. Куликова начальником секретного лагеря «9» близ г. Красноярск. Оттуда он написал письмо М. Артасу с просьбой помочь его семье переехать к месту назначения. Разбирая в кабинете своего бывшего зама сейф с блокнотами и тетрадями, он уронил один блокнот, на открытой странице которого написано его имя. В нем Куликов писал, когда и кем встречался Артас, кто заходил к нему на прием и т.д. Таким образом, М.Артас был под постоянным наблюдением своего зама, присланного кегебешниками. Все это его возмутило. Артас помог семье Куликова переехать в Красноярск, в гостинице «Север» встретился с бывшим замом и в присутствии его жены все сказал в лицо. Тому нечего было сказать.

Однако КГБ не уставал следить за главным милиционером Тувы. Новым его замом прислали полковника Василия Симикина. Вероятно, ничего подозрительного не находя в политическом поведении своего начальника, через полгода тот откровенно признался с пафосом: «И вы, и я — коммунисты, солдаты партии, не буду скрывать, за время совместной работы я хорошо познал вас, поэтому хочу вам лично признаться, меня к вам послал работать начальник управления госбезопасности Н. Я. Волосников. Тот мне сказал “Есть предложение поручить вам выяснить политическое сознание

М. Б. Артаса. Долгое время он был на руководящих работах ТНР, многие чиновники тех времен стали националистами, недовольными советским строем. Поэтому их надо выявлять и устранять с пути строительства социализма». Затем он продолжил «Я отказался от его предложения, мотивируя это тем, что я приехал в Туву не для того, чтобы проверять и доносить на своего начальника, я — коммунист. Если М. Б. Артас — политически незрелый, националист и против строительства социализма в Туве, то тогда сам поставлю вопрос перед партией»».

За нарушение законности в возбуждении «Сут-Хольского дела» был снят с поста и посажен в тюрьму начальник управления госбезопасности по ТАО Н. Н. Петров, который работал в Туве с 1944 по 1952 гг. и дважды награжден Орденом Ленина и Орденом Красного Знамени при содействии С. Тока. На его место прислали И. П. Смирнова (1952–1953), которого через год заменил Н. Я. Волосников, тянувший ляжку свыше десяти лет (1953–1965) Он не раз писал ложные доносы в адрес партийного правителя Тувы, вводя в заблуждение бюро обкома партии; заново установил слежку за начальником внутренних дел. Скорее всего, это было указание свыше, но тем не менее неприятно было работать «под колпаком». По этому поводу М.Артас не раз жаловался С. Тока. Однако результатов не было никаких.

Пользуясь хрущевской «оттепелью», М. Б. Артас написал заявление на имя председателя Комитета госбезопасности СССР с жалобой на неправомерные действия председателя Комитета госбезопасности по Туве Н. Волосникова. С целью проверки его заявления из Москвы приехали два офицера — полковник и подполковник. Зайдя в кабинет М. Артаса, и бегло спросив о фактах и аргументах против Волосникова, они начали допрашивать самого заявителя. Тогда он прервал их попытки и сказал им: «Вы приехали допрашивать меня? Если так, тогда покажите разрешение соответствующих органов. Я написал заявление, чтобы Комитет госбезопасности исправил недостатки в работе Волосникова, поэтому объяснения должен давать сам Волосников, а не я». Получив такой справедливый укор, они были вынуждены уйти ни с чем. Так он не получил ответа на свою жалобу. Скорее всего они думали о реальной собственной безопасности, нежели государственной.

Справедливости ради надо заметить, что под наблюдением органов госбезопасности СССР находилась вся номенклатура, а не только начальники управлений или министры внутренних дел. Более того, под строгим наблюдением находился и сам С. К. Тока, который старался иметь хорошие взаимоотношения с представителями карающего ока советского тоталитарного политического режима. Достаточно напомнить, что представитель

КГБ СССР в Туве и второй секретарь обкома КПСС назначались Москвой.

Как вспоминал бывший помощник второго секретаря Петр Гриценко, «Из троих помощников Тока, двое из них — Павел Иванцов и Салчак Кажин-оол помощниками только числились. Зарплату получали в бухгалтерии госбезопасности и выполняли функции личной охраны первого секретаря. Кстати, Иванцов был фигурой любопытной, по крайней мере, послушать его рассказы мы любили. Он, капитан госбезопасности, попал в Туву из пролетарской дивизии НКВД, известной как уникальное формирование: целая дивизия на протяжении десятков лет решала одну единственную задачу — обеспечение безопасности Сталина. Телохранителями этих двоих можно было назвать лишь очень условно. Кажется, их основной функцией было информирование органов о каждом шаге С. К. Тока. Мне довелось общаться с Салчаком Калбакхорековичем лично, сопровождать его в поездках по республике. И очень скоро подметил, что доверительные, свойские интонации в общении с людьми прорезались у него только тех случаях, когда разговор почему-либо завязывался в отсутствии «помощников» из ГБ. Тут важно отметить, что С. Тока исподтишка вел посильную борьбу с всемогущим КГБ. Одним из телохранителей он сумел подобрать или помог выбрать все же своего человека из Каа-Хема, даже родственника Салчака Кажин-оола. Так все же надежнее.

Независимый характер Артаса то и дело пробивался через панцирь партийной и ведомственной дисциплины. И не только в том, что касалось личного самого Артаса, как это случилось в истории с заявлением председателя КГБ. Находились поводы серьезнее.

В конце 50-х годов вышло секретное постановление бюро Тувинского обкома КПСС о конфискации оружия, находящегося в личной собственности граждан. Исполнение постановления было поручено министерству внутренних дел и лично М. Артасу. Тогда в пользовании граждан имелись около четырех тысяч официально зарегистрированных гладкоствольных ружей. Для выяснения причины, побудившей бюро к решению о их конфискации М. Артас зашел в секретный сектор обкома партии к Мальцеву и познакомился с секретным донесением начальника управления госбезопасности Волосникова. В нем указывалось две причины: одни люди в пьяном виде стреляют друг друга, другие занимаются браконьерством. За стрельбу со смертельным исходом тогда было возбуждено девять уголовных дел, а за браконьерство — 27 уголовных дел.

После этого М. Артас зашел к первому секретарю обкома партии Сал-

чаку Тока и попытался убедить первого: «Конфискация у населения зарегистрированного оружия незаконна, вместо этого лучше усилить контрольные функции органов внутренних дел и управления охотничьего хозяйства». Он задал Тока резонные вопросы: «Если мы конфискуем ружья у населения, кто будет выполнять план добычи пушнины и заготовки мяса зверей? А кто будет возмещать стоимость конфискованного у охотников ружья? Тока только отмахнулся от генерала: «Не говорите чепуху и выполняйте постановление обкома партии!»

Помог Артасу случай. Когда разрабатывали план реализации постановления бюро обкома партии, из Москвы позвонил министр внутренних дел РСФСР Вадим Степанович Тикунов. В конце разговора М. Артас объяснил ему содержание постановления бюро, министр несказанно удивился: «В Туве готовится контрреволюционный мятеж что ли? Если так, почему мы не знаем об этом? Кто является инициатором такого постановления?» М. Артас ответил министру, что обстановка спокойная, органы внутренних дел не располагают сведениями о готовившемся контрреволюционном восстании, постановление о конфискации у охотников ружей разработано на основе информации начальника управления госбезопасности Волосникова. Тикунов долго не думал: «По всей Российской Федерации такой вопрос никто не поднимает. Пока это постановление не выполняйте, через двое суток мы дадим вам ответ».

На другой день вечером министр В. С. Тикунов позвонил своему подчиненному и сообщил: «Товарищ Артас, информацию о том, что постановлением бюро Тувинского обкома партии в Туве собираются конфисковать разрешенные ружья, я довел до сведения ЦК КПСС. Постановление не выполнять, положить под сукно!» (РФ ТИГИ. Д. 1295. Т. V. С.12).

На другой день к М. Артасу пришел начальник управления госбезопасности Н. Я. Волосников: «Вы сообщили в Москву о том, что постановлением обкома партии собираются конфисковать ружья? Комитет госбезопасности СССР срочно требует дать объяснения по поводу постановления бюро о конфискации ружья».

Через полчаса после ухода Волосникова позвонил С. Тока и срочно вызвал министра к себе. В кабинете первого уже сидели А. Анкудинов и Н. Волосников.

С. К. Тока был очень рассержен, даже не поздоровался и с ходу озадачил: «Министерство внутренних дел РСФСР не является партийным органом, почему ты ознакомил Тикунова с постановлением бюро обкома партии?»

Артас за словом с карман не полез: «Товарищ Тикуннов является членом ЦК КПСС».

Промолчав, С. Тока скомандовал: «Уходи отсюда!» (РФ ТИГИ. Д. 1295. Т.V. С.14).

Так, М. Артас с помощью своего министра отстоял право тысячам земляков зарабатывать себе на жизнь охотой.

Начальник управления КГБ СССР по ТАО Н. Волосников (1957–1965) на бюро обкома КПСС написал секретные донесения. Там было указано, что 40 тувинцев колхоза «Ак-Дуруг» угрожают русским, намереваются их оттуда выселить, а при этом органы прокуратуры и милиции никаких мер не принимают.

Начальник управления внутренних дел М. Артас и прокурор области А. Даваа поехали в Ак-Дуруг с целью выяснения достоверности информации. Все оказалось выдумкой чиновников госбезопасности.

Тувинцы и русские в Ак-Дуруге жили дружно, делились тем, что есть. Никто никого не обижал, о чем они по приезду доложили первому секретарю обкома партии С. Тока. Однако тот не поверил проверившим положение дел в сумоне, сделал заключение о том, что они сами плохо работают. Как полагается в таких случаях, после них в Ак-Дуруг выезжал секретарь обкома КПСС Ортун-оол и никаких вооруженных 40 всадников-националистов не нашел (РФ ТИГИ. Д. 1295. Т.V. С. 15).

Только после него С. Тока успокоился. Говорят, у страха глаза велики. Видимо, С. Тока никак не смог забыть вооруженных мятежей на Хемчике...

Как утверждал М. Артас, в годы репрессий в Туве была установлена специальная агентурная сеть из доносчиков и осведомителей. На основании ложных сведений сочинялись протоколы следствия, признательные показания путем насилия, частичного голодания и прямых угроз. Кое-как составленный протокол следствия на тувинском языке переводил хорошо знающий его Пуговкин на русский, а потом печатали в трех экземплярах на пишущей машинке. Один экземпляр отправляли С. К. Токе, другой — полпредству СССР в ТНР, третий — советнику МВД ТНР П. И. Рогову.

Как выяснилось позднее, заместителями начальника управления внутренних дел Тувинской автономной области, позднее — Тувинской АССР, были ставленники КГБ СССР, а Комитет госбезопасности по Туве всегда возглавляли люди, присланные из Москвы.

Вторым секретарем обкома партии работал Николай Яковлевич Дьяков. Журналист П. Гриценко писал: «Если бы я вздумал ставить фильм о партработнике пятидесятых, не раздумывая писал этот портрет С. Дьякова». Далее он пишет, что он не был бюрократом, что сказал, то и делал. Особенно укрепил он свои позиции за тот год (1952), что Тока провел на учебе в Москве и первый не мог не заметить того, как возрос авторитет Дьякова, что прибавилось у него самостоятельности. И делить с кем бы то ни было влияние, власть, терпеть под боком сильного оппонента Тока не желал. Неудивительно, что сразу после возвращения из Москвы отношения первого и второго резко ухудшились. Тока не упускал ни малейшего повода, оповещал Москву о каждой промашке Дьякова. Очень скоро, во избежание осложнений, ЦК отозвал Николая Яковлевича в свое распоряжение» (Молодежь Тувы. № 139–141, 21 ноября 1990 г.).

Бывший помощник второго секретаря обкома партии написал много точных наблюдений по поводу поведения Н. Дьякова и С. Тока. Дьяков имел вес в аппарате обкома партии, давал нужным людям щедрые деньги, выписывал материальную помощь до пяти тысяч рублей. Легко быть добрым за счет налогоплательщиков. Однако П. Гриценко ни слова не написал о том, что пока С. Тока учился в Москве, при его активном участии возбуждено дутое «Сут-Хольское дело», которое провалилось с треском через год. Ветеранам партии Тувы известны такие качества Н. Дьякова как высокомерность, черствость, грубость и пренебрежение к тувинским чиновникам. С другим членом бюро обкома, позволившим себе смелость иметь собственное мнение по принципиальным вопросам и не боявшимся за него постоять — первым секретарем Кызылского горкома партии Геннадием Николаевичем Степановым — Тока особо не церемонился. Об этом написал очевидец тех времен, бывший помощник второго секретаря обкома партии журналист П. Гриценко.

Если судить объективно, особыми успехами деятельность коммунистов столицы республики не выделялась. Починов рождали не больше, чем средняя организация среднего по союзным масштабам города. Но подхватывали, естественно, каждый. В меру проявляли инициатив. Тем не менее, город строился, выполнял задания. Так что видимых причин для недовольства первым горкома не было. Поэтому на конференцию партийцы собрались как на не самый почитаемый, но обязательный обряд.

Короткое выступление Тока, предварившее выборы членов горкома, прозвучало для зала, как гром среди ясного неба.

— Товарищи, бюро обкома партии, посоветовавшись, приняло решение рекомендовать вашей конференции не включать кандидатуру Степанова в список для голосования при выборах в члены горкома. Вместо него предлагаем Анкудинова Александра Васильевича.

— Почему? — после замешательства в зале спросил кто-то с места.

Тока этот вопрос «не услышал».

Поразительнее всего то, что реплика первого сильнее, чем кого-либо, ошарашила... Степанова. Бледный, взволнованный поднялся он на трибуну.

— Товарищи, вы знаете, что я являюсь членом бюро областного комитета партии. Но, даю вам честное слово коммуниста, ни на одном заседании бюро не поднимался вопрос о моем пребывании в составе горкома партии, так же как и о кандидатуре Анкудинова.

Замешательство в зале прошло, и теперь несколько смельчаков подали голос:

— Товарищ Тока, так было это заседание бюро или не было?

И этот вопрос Тока оставил без ответа.

Разумеется, Степанов в списки членов горкома не попал. Но при подсчете бюллетеней оказалось, что 75 коммунистов вычеркнули Анкудинова из списка, вписав вместо него фамилию Степанова. Тот, кто знает, какой суровой была тогда партийная дисциплина, согласится, что это случай чрезвычайный. Ведь Анкудинова рекомендовало бюро обкома.

Но дело было сделано. Степанову оно стоило тяжелейшего сердечного приступа. В Кызыле он, естественно, не остался. Через месяц уехал в Новосибирск, по приглашению тамошнего обкома КПСС, если не изменяет мне память, на должность парторга строительства Обской ГЭС. Большинство коммунистов города восприняло этот факт как потерю.

Репутация честного порядочного человека вокруг Степанова за время его работы сложилось крепкая.

И я имел повод самому убедиться в этом. Я работал уже ответственным секретарем «Сталинского племени». Однажды, когда я оставался за редактора, бывшего не то в отпуске, не то на больничном, в кабинете раздался звонок. Звонил Дьяков.

— Как могло получиться, что у вас в редакции, идеологическом органе, работает жена человека, запятнавшего себя перед партией? Немедленно увольняйте ее!

Моих объяснений он слушать не пожелал, положил трубку. Поясню, о ком шла речь. Переводчиком с тувинского в нашей редакции в то время работала Сара Сереновна Товарищтай, жена бывшего министра внутренних дел. Сам Николай Чолдакович тогда «заглаживал вину» перед партией, руководя строительством леспромхоза в Каа-Хемском районе, что расценивалось нами, как ссылка. Работал он, кстати, неплохо и в Усть-Бурене, и позже в Сизиме. Вряд ли Дьяков взялся за Сару Сереновну по собственной инициативе. Уверен, что он даже и не знал до того, кем и где работает жена опального министра. Наверняка, он выполнял поручение товарища Тока.

Так или иначе, но звонок поставил меня в трудное положение. Сара Сереновна была работником толковым, безотказным и человеком симпатичным всем нам, сотрудникам редакции. Расставаться с ней очень не хотелось. Но звонок второго секретаря – не шутка.

Помаявшись, изрядно поломав голову и ничего путного не придумав, я пошел в горком, прямиком к Степанову. Поделился своей заботой.

– Геннадий Николаевич, за что же женщину наказывать? Неужто она за мужа обязана страдать?

Степанов тотчас при мне набрал номер Дьякова.

– Николай Яковлевич, что-то я не пойму вас. Вы поступаете некорректно, вмешиваясь в дела первичных организаций через мою голову, Товарищтай – коммунист, и, как считает первичная организация, коммунист неплохой. К тому же она член городской парторганизации, и позвольте нам решать, достойна она работать на своем месте или нет!

Он бросил трубку.

– Не трогайте человека. Пусть работает.

Вот так просто могли решаться судьбы людей. Так просто можно было защитить человека от несправедливости. Для этого нужно было одно: чтобы у секретаря горкома было достаточно смелости, честности и порядочности. Степанов ими обладал. Винтиком партийного механизма он никогда себя не считал.

После критики культа личности Сталина в 1956 г., Артас стал внимательно всматриваться в личность С. Тока и обнаружил в нем такие черты, как вседозволенность, нетерпимость к критике, высокомерие и непогрешимость, расхождение слова и дела. На словах он много говорил о необходимости четкого соблюдения устава партии, соблюдения социальной справедливости, но на деле он сам их нарушал. Это можно доказать на следующем примере.

В конце 1950-ых годов в тувинский обком партии поступила записка первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Сущность указания сводилась к тому, что надо сокращать поголовье скота граждан, не являющихся членами колхозов. К тому времени единоличников почти не осталось, поэтому указание касалось колхозников и рабочих совхозов. С целью реализации абсурдной записки союзного правителя партии состоялось совместное заседание Тувинского обкома КПСС и облисполкома. Присутствовавшие на совещании чиновники почти полностью согласились на минимизацию содержания скота в личной собственности граждан.

Каждый думал о собственной выгоде. Только один генерал Артас выступил в защиту народа, его жизненных потребностей и интересов. За это потомки должны помнить его героический поступок. В качестве доказательств своей позиции он привел следующие аргументы:

а) на территории Тувинской области колхозы и совхозы не только не могут обеспечить мясом и молоком все население, а в настоящее время они не в состоянии полностью удовлетворять потребности лечебных и детских учреждений, предприятий общественного питания;

б) когда минимизируют численность скота колхозников, рабочих совхозов, жителей сел и городов, то чем народ будет кормить своих детей и самих себя, кто их обеспечит мясом и молоком;

в) жители города Кызыла имеют свыше 4000 дойных коров, а те, кто живут в горах и в тайге, должны иметь в личной собственности достаточное количество дойных коров, овец и коз, своих коней, иначе как они будут жить, кто их будет кормить;

г) согласно Конституции личный скот населения защищен по закону, если его отберут, то надо платить, кто и как его возместит.

Комиссар сел на свое место, а в зале воцарилась гробовая тишина. Даже С. Токе потребовалось время, чтобы подготовить отпор возмутителю спокойствия. А когда он заговорил, стало ясно что дни Артаса в должности министра внутренних дел сочтены.

Не найдя серьезных экономических контраргументов соображениям Артаса, Тока заговорил идеологическими штампами из лексикона Вышинского, генерального прокурора СССР периода репрессий: «Выступление министра внутренних дел направлено против партии, политики Н. С. Хрущева; сущность его выступления заключается в возрождении эксплуататорского класса. Человек с таким мировоззрением не может больше оста-

ваться членом обкома, бюро обкома партии и облисполкома».

Скорее всего, судьба Артаса была бы решена в тот же день. Но в защиту министра неожиданно взял слово председатель облисполкома А. Чымба. Он не побоялся признать, что в выступлении Артаса имеются справедливые мысли, и предложил не принимать поспешных решений, а отложить рассмотрение вопроса до следующего пленума.

Предложение А. Чымба было принято большинством голосов.

После осуждения культа личности И. Сталина на XX съезде КПСС, в Туве прошли собрания партийного актива, о чем написал отчет первый секретарь обкома партии С. Тока в ЦК КПСС от 9 апреля 1956 г.

В отчете сообщается, что обсуждался вопрос «Об итогах XX съезда КПСС и задачах городской и районной партийных организаций», где нет ничего конкретного о культе личности И. Сталина. Много говорится о производственных делах, но самое интересное содержится в конце, где «для сведения прилагаю перечень вопросов, заданных по докладу о культе личности и его последствиях», мероприятия по партийной учебе и краткое сообщение управления КГБ по высказываниям враждебных элементов» (последнее предложение рукой С. Тока вычеркнута) (ЦАДПОО ЦГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1002). Отсюда ясно, какую политическую силу инерции имел культ личности И. Сталина и его подручного С. Тока.

Но Тока не удержался бы у руля ТНР, ТАО и ТувАССР более сорока лет, если бы не умел устранять тех, в ком видел опасность для своей власти. Расправиться с Артасом он решил, воспользовавшись процессом реабилитации жертв сталинских репрессий.

Когда Верховный суд СССР вынес решение о реабилитации группы людей, осужденных «за контрреволюционную деятельность» в 1938 г., встал вопрос об ответственности деятелей, незаконно выносивших обвинительные приговоры. Тока всю вину возложил на исполнителей — людей, ведущих следственные дела, выносивших и исполнявших приговоры, а сам остался в стороне.

Кто виноват? Это министр внутренних дел Оюн Полат, его первый заместитель Монгуш Артас, следователи Намчак, Моломдай...

Когда на бюро областного комитета партии рассматривали персональное дело Полата, он напал на Тока:

— Центральный комитет партии, вы, товарищ Тока, лично руководили, советовали, как начать это дело, как вести следствие. Если вся вина возла-

гается только на меня, я не могу с этим согласиться, не могу это принять.

— Не может быть указания и не было указания осуждения безвинных людей на основании доносов. Все это сделали вы сами, — ответил Тока.

Полату не предоставили ответного слова. Бюро постановило: за ошибки, допущенные во время работы министром Внутренних дел ТНР Оюна Полата исключить из рядов Коммунистической партии.

Следующим вопросом было персональное дело Монгуша Артаса.

Дело доходило до жарких перепалок. В то время Артас занимал крупный пост начальника областного управления внутренних дел, имел звание комиссара милиции. Он же был членом бюро обкома партии, депутатом областного Совета.

Накануне заседания бюро Артас сделал письменное заявление, адресованное членам бюро. В нем говорилось, что никоим образом нельзя перекладывать вину за дело 1938 г. на двоих-троих «козлов отпущения». Вину надо делить на всех. Потому что ЦК ТНРП проводил в то время такую политику. «Среди нас еще есть некоторые члены политбюро ЦК. Я требую, чтобы этот вопрос рассматривался не на бюро, а на пленуме обкома партии», — говорилось в заявлении-записке.

Но партийный правитель С. К. Тока проигнорировал заявление Артаса. А когда дело решили рассматривать именно на бюро, Артас сказал:

— Предлагаю повестку дня изменить: рассмотреть не персональное дело Артаса, а заявление Артаса.

— Мы не намерены спрашивать у вас, как проводить бюро, — грубо оборвал Артаса Тока. — Сегодня тут вы не имеете право командовать. Вы должны на бюро докладывать о своей вине.

— Я тоже член обкома, член бюро обкома, и потому заявляю о своих уставных правах, — возразил Артас.

Но ничего ему добиться не удалось.

Решение бюро звучало так: за свои ошибки, допущенные в период работы министра внутренних дел ТНР, за то, что арестовывал ни в чем невинных людей, готовил материалы для их осуждения, Монгуша Артаса снять с занимаемой должности, исключить из рядов Коммунистической партии.

Партийная комиссия Центрального комитета КПСС, рассмотрев заявления Полата и Артаса, оставила их обоих в рядах партии. Министерство

внутренних дел СССР оставило Артасу звание комиссара милиции и решило присудить ему генеральскую пенсию. Тока не согласился ни с решением парткомиссии, ни с приказом по министерству. Он несколько раз письменно и устно обращался в ЦК, МВД по этому вопросу, но не добился своего.

Добавлю к этому, что Артаса без ведома его избирателей лишили статуса депутата и сослали в село Сарыг-Сеп Каа-Хемского района.

После этого Токе не стоило труда протащить решение об ограничении численности личного скота. Будучи в ссылке на малой родине С. Тока, М.Артас не раз видел одну и ту же душераздирающую сценку. Милиционеры ведут корову на убой, женщины хватают ее за хвост и, плача навзрыд, причитают: «Чем же теперь кормить детей!»

Тому, кто держал много личного скота, приходилось его без разбору колоть, продавать или прятать в лесах. Было много слез и обид на власть. Авторитет ее в глазах простого народа резко упал. Признание этого зафиксировано и в блокноте С. Тока.

Во время ссылки Монгуш Артас попал под наблюдение платных доносчиков. Не буду называть имен, чтобы не осложнять жизнь их детям, внукам и правнукам. С одним из доносчиков М. Артас когда-то учился вместе.

Тот специально приехал в Сарыг-Сеп в гости к опальному генералу с хорошим угощением. Вспоминали молодость, учебу, а он все тянул в другую сторону: о национальной политике и советском строе, хотя сам в этих вопросах был, мягко говоря, слаб. Артас все понял и сказал ему: «Тому, кто тебя послал, скажи, что ты — плохой агент. От меня ты не услышишь хулы советского строя и национальной политики». С тех пор «старый друг» больше не появлялся.

Другой доносчик работал механиком в колхозе «Советская Тува». Поскольку Артас служил инспектором строительства Каа-Хемского района, то вынужден был часто бывать у него. Как только он приезжал к нему, то стукач начинал рассказывать о делах С. Тока, надеясь услышать в ответ резкие критические оценки. Однажды М. Артас приехал в колхоз, чтобы ознакомить его членов с постановлением бюро Тувинского обкома партии по сельскому хозяйству. Видимо, механик был глуповат и несведущ в политике. Как только была оглашена повестка собрания и названо имя докладчика, он закричал: «Артас — плохой коммунист, он не имеет права делать доклад!» Секретарь парторганизации колхоза успокоил собрание: «Этот не доклад Артаса, а постановление бюро обкома партии». В зале поднялся

шум: видимо, механика в совхозе не любили и несколько человек припомнили, что он несколько раз доносил на Артаса. Больше после этого механик старался не попадаться на глаза инспектору по строительству.

Еще одного информатора органы завербовали в редакции газеты «Шын». Он был очень хитер, изворотлив и льстив. Артаса называл дядей, хвалил. Пытался вызвать комиссара на откровения собственными «смелыми» суждениями: «Пока тувинским государством правят Тока и Анчымаа, у нас не будет ускоренного развития». Но тот на провокации не поддавался.

Однажды тот позвонил Артасу: «Я зарезал барана, приходите». Артас явился не один, а с прокурором А. Б. Даваа. Когда разговор снова принял провокационный характер, генерал не выдержал: «Вы вместе с Даваа давно охотитесь на меня, чтобы уличить в перерождении, ревизионизме или оппортунизме. Не тратьте зря время. Я — из бедняков, эта власть дала мне очень много, и я буду благодарен и верен ей до конца жизни». Хозяин так и не нашел, что сказать в ответ.

Такие были времена. И люди были под стать им — не хуже и не лучше, потому что жить им приходилось по писанным и неписанным законам той эпохи. В массе своей они остаются такими же и сейчас, просто среда обитания поменялась.

Артас отличался от многих своих современников только тем, что пытался быть самим собой — честным человеком. Он пожертвовал ради этого тем, что для большинства людей служит смыслом и наполнением жизни — властью, карьерой, привилегиями. И ушел непобежденным.

COMMISSAR OF MILITIA

M.S. Baiyr-ool

Abstract: Article tells about the fate of a commissar of militia, one of the heads of the law-enforcement agencies of the People's Republic of Tuva, Tuvan Autonomous Region Mongush Bayan-oolovich Artas. It is based on written memoirs of M.Artas, archival resources and author's personal memories to reconstruct character's biography and give his testimonial as well as picturing a tragic background of the epoch.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, Tuva, militia, biography, politics, history, Toka, cult of personality, repressions.